

риков, сводов повествовательного материала и т. д. — просто невозможно. В древнерусской литературе коллективное начало в создании отдельных литературных произведений было чрезвычайно сильно. Последующие переделыватели и переписчики выступали часто как соавторы, и с этим прежде всего должен считаться исследователь текста. Только после того как исследователь проверит все изменения текста и установит, что творчески нового внесли они в произведение, он может условно говорить об авторе одного из восстановленных им текстов.

Долгое время для текстологов восстановление авторского текста являлось единственной целью их занятий. Именно эту цель, в частности, преследовала и текстологическая система К. Лахмана, а также все ее видоизменения. В этом отчасти отражалось представление об авторе нового времени. В отношении литературы средневековья можно с уверенностью сказать, что личности автора нужно в текстологических исследованиях уделить не больше места, чем она занимала в литературном творчестве того времени.

Если речь идет о таких ярко выраженных «авторских» произведениях, как «Поучение» Владимира Мономаха или сочинения Андрея Курбского, — поиски авторского текста вполне уместны и им следует уделить главное внимание. Но когда изучению подвергаются произведения, составившиеся коллективно, игнорировать хронологически более поздние этапы истории текста произведения только на том основании, что они поздние, отнюдь не приходится.

Главная цель текстолога должна заключаться в установлении истории текста произведения. Какие же этапы в развитии текста будут нуждаться в своем восстановлении и издании — это должно показать все текстологическое и историко-литературное изучение произведения. Может быть, ими будут наряду с «авторским», наряду с древнейшим и более поздние этапы.

Замысел и воля автора

Мы рассматривали выше элементы движения текста, постоянно соотнося их с содержанием текста. История текста не есть история его внешних, случайных изменений. Основное, с чем должна считаться текстология, — это с замыслами и намерениями творцов текста (под творцами текста разумею всех, кто создает текст, — не только его авторов, но и редакторов — составителей редакций текста). Эти замыслы и намерения в конечном счете должны объясняться историей литературы и историей всего общества, но на известном этапе именно раскрытие этих замыслов является центральной и наиболее сложной задачей текстологии.

В произведении воплощается замысел. Но замысел не существует в готовом и вполне законченном виде еще до написания произведения. Он меняется по мере своего воплощения в тексте. Об этом свидетельствуют черновики и корректуры автора. Замысел, по мере своего воплощения, начинает

оказывать обратное воздействие на автора, вводит его в свою внутреннюю логику. Автор в процессе воплощения своего замысла начинает видеть его недостатки и достоинства. Процесс воплощения замысла есть процесс совершенствования и роста замысла. Но и после того как произведение напечатано (в данном случае я говорю о произведениях нового времени), автор может продолжать над ним работать, готовить для новых изданий. Иногда последние главы большого законченного произведения кое в чем противоречат первым. Эти противоречия рождаются в процессе работы, а иногда в процессе переработок уже законченного произведения, когда интенсивный творческий процесс закончился и автор забыл многие детали своего произведения и не представляет себе замысла с такой отчетливостью, как раньше. В этих случаях могут появляться не только отдельные внутренние несоответствия, но нарушаться выдержанность языка и стиля.

Замысел развивается — соответственно меняет свое направление и авторская воля. Необходимо изучать изменения и развитие замысла и соответствующие изменения авторской воли.

Воля автора не статична, а динамична. Она может быть доведена автором до конца и может быть не доведена. Автор очень часто не успевает или не хочет завершить свой замысел. Текст остается незаконченным. Кроме того, он может упорно работать над своим произведением уже после его издания. В некоторых случаях он может письменно или устно заявить о полной завершенности своего произведения в определенной рукописи или издании. Перемены воли автора могут быть творческими и нетворческими: автор может внести изменения, явно ухудшающие текст, в связи с опасением цензуры, требованиями администрации (см. выше, с. 93—94), техническими условиями издательства, уступая критике, компетентным и некомпетентным советам друзей и пр. С течением времени с переменой художественных и идейных убеждений автора у последнего может понизиться интерес к собственному произведению, и он может передоверить его исправление, правку корректуры и пр.

Соответственно авторская воля проявляется с большей или меньшей степенью интенсивности. Автор может прямо заявить об окончательном воплощении своего замысла в том или ином тексте, но может и не заявить, мы можем только догадываться о его воле, предполагая ее воплощенной в последнем прижизненном тексте произведения. Мы имеем также многочисленные случаи недовольства автора своим произведением — редко полным недовольством, а в большинстве случаев частичным (в результате изменений мировоззрения, интересов, художественных вкусов, появления новых навыков работы и новых творческих замыслов и пр.). Известно, что Т. Тассо хотел новым своим произведением уничтожить все, что он написал раньше.

В некоторых случаях автор не нашел времени достаточно упорно поработать над произведением. Произведение часто остается незаконченным или с неряшливо выправленным текстом. В таких случаях особенно трудно говорить о проявлении авторской воли в том или ином тексте.

Особенно осторожным следует быть в случае санкционирования автором для издания того или иного уже готового текста. Известно, что «Вертер» был многократно и неряшливо издан при жизни Гете, но без контроля с его стороны. Затем Гете избрал для основного текста одно из самых ошибочных изданий. Когда ему на это указали, он с этим согласился и отказался от этого издания.

Воля автора, как и замысел произведения, — явления крайне сложные и неустойчивые и до сих пор в самой сущности своей почти не изученные. Во всяком случае, к вопросу об авторской воле текстолог должен подходить не как юрист и не рассматривать «последнюю волю» с правовой точки зрения. Нельзя в работе над авторскими текстами произведения ограничиваться формальным выявлением последней творческой воли автора. Замысел и воля автора в воплощении этого замысла должны подробнейшим образом изучаться текстологом во всей их сложности и в их меняющихся отношениях к текстам. Разумеется, это относится и к замыслам, и к воле средневековых и древних редакторов произведений.

Текстолог, изучая историю замысла произведения и историю воли автора, не может быть только бесстрастным регистратором. Он должен оценивать их с точки зрения художественной и идейной.